

когда много было целинных степей, полозы водились в таком огромном количестве, что поселенцы бросали из-за них свои земли и переселялись на новые места, боясь этих безвредных животных. Трудно вообразить, сколько их было в XII в., когда степь еще не была тронута человеком. Полозы, несмотря на свои крупные размеры (некоторые экземпляры доходят почти до двух метров в длину), быстро и бесшумно скользят среди степной травы. Автор Слова, с большим знанием природы, использовал эту особенность полозов, чтобы подчеркнуть тишину в степи во время бегства Игоря: все животные молчали и, не нарушая тишины, „полозие ползоша только“. На родине Игоря, на Черниговщине, полозы не водятся и никогда не водились; с ними автор мог познакомиться лишь в степях.

К сожалению, фразу „полозие ползоша только“, правильно приведенную в первом издании Слова и его перепечатках, исказили позднейшие издатели и комментаторы Слова. А. А. Потебня, не считаясь с конкретным изображением природы, видел здесь „пестрого дятла“. Змей он отрицал, так как, по его мнению, „сомнительна в авторе Слова о полку мелочность изображения“.¹ Птицу „ползика“ предлагал видеть в „полозие“ В. С. Миллер,² забывая, что птицы поползни (*sitta*) — типичные лесные животные, которых не только в степи, но даже на юге лесостепи нет. И. Новиков пытался тоже доказать, что „полозие“ это „ползик“ — „видимо местное название поползней“.³ А. Югов счел необходимым заменить конкретное название „полозие“ обобщенным — „змеи“.⁴ Некоторые комментаторы считали, что следует переставить буквы и читать фразу так: „сороки не трескоташа, по лозию ползоша только“. Надо слишком мало знать сороку, чтобы допустить, что она может ползать, да еще „по лозию“. Жуковский перевел эту фразу совсем неудачно: „Сороки не стрекотали, ползком ползали только“. Предлагали объединить данную фразу с началом следующей и читать: „по лозию ползоша только дятлове“. Дятел „по лозию“, т. е. по кустарниковой иве, не ползает, да и вообще его передвижение по коре нельзя назвать ползанием. Кроме того, дятел не пригоден для подчеркивания тишины, как это требовалось по замыслу автора, так как он либо громко стучит, либо звонко покрикивает. Таким образом, домыслы комментаторов только затемняли первоначальный вполне ясный смысл данного эпизода.

Уделив особенное внимание охотничьим зверям и птицам, автор Слова прекрасно передал и охотничью терминологию своего времени, частично сохранившуюся в языке и до наших дней. И современный охотник редко скажет: „волк бежит рысью“, а чаще употребит выражение „волк трусит“, „бежит трусцой“ или „рыщет“. Так и в Слове: „влькомъ рыскаше, влькомъ прерыскаше“, „дорыскаше“, „нарыщуце“.

¹ Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 146.

² Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, стр. 245—246.

³ И. Новиков, ук. соч., стр. 156.

⁴ А. Югов, ук. соч., стр. 97.